

ББК 63.3(2)531

Ю.А. Лысенко, М.В. Стурова

**Роль и место православных миссионерских школ
в образовательной системе Казахстана
(XIX – начало XX в.)***

Yu. A. Lysenko, M.V. Sturova

**The Role and the Place of the Missionary Schools
in the Educational System of Kazakhstan (the Second Half
of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries)**

Реконструируется процесс миссионерского школьного строительства в Казахстане, развернувшийся на рубеже XIX–XX вв. в результате деятельности в регионе православных Киргизских миссий. Определяются его принципы и особенности, цели и задачи. Кроме того, выявляются и анализируются факторы, оказавшие существенное влияние на исследуемый процесс.

Ключевые слова: миссионерство, школа, образование, православие, ислам, Россия, Казахстан, империя.

The article reconstructs process of missionary school construction in Kazakhstan at the XIXth – the beginning of the XXth centuries as a result of the activity of the Kirghiz Orthodox missionaries. The research determines its aims, principles and peculiarities. Moreover, the study reveals factors which had influence on studied process.

Key words: missionary, school, education, orthodoxy, Muslim, Kazakhstan, Russia, empire.

Завершившийся в 60-е гг. XIX в. процесс присоединения территорий Казахстана к России сопровождался серией реформ, направленных на политическую, социокультурную и экономическую интеграцию региона в общеимперское пространство. Важное значение в политике комплексного инкорпорирования государственной властью отводилось религиозной составляющей. На фоне охранительной политики государства в отношении православия и поэтапного сокращения сферы влияния ислама в имперских масштабах во вновь присоединенном регионе главным содержанием стала дезинтеграция казахского мусульманского движения, вычленение его из общероссийского и распространение христианства среди казахов-кочевников.

Для успешной реализации поставленных задач на территории Степного генерал-губернаторства** в 80–90-е гг. XIX в. была организована работа двух православных Киргизских миссий, административно подчинявшихся оренбургским и омским епархиальным властям. Наряду с религиозной пропагандой среди местного населения важным направлением их

деятельности стало создание в регионе сети миссионерских школ.

В процессе миссионерского школьного строительства сотрудники Киргизских миссий уделяли большое внимание трем важным обстоятельствам. Во-первых, учитывалось отсутствие у казахского населения мотивации к обучению и возможности вносить за него оплату. В связи с этим содержание миссионерских школ возлагалось на Православное миссионерское общество и его епархиальные комитеты, Синод и в некоторых случаях – на Оренбургское или Сибирское казачьи войска***.

Во-вторых, в силу своеобразия системы жизнеобеспечения казахов, характеризующейся господством кочевого способа ведения хозяйства и, как следствие,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект 12-11-22005 «Стратегии и практики этнокультурного взаимодействия народов Алтая (XIX – начало XX в.)».

** Степное генерал-губернаторство (Степной край) – административно-территориальная единица, образованная в 1881 г. на территории Казахстана в ходе реализации административных реформ, в состав которой были включены Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская и Семиреченская области.

*** Например, в Центральном, Большенарымском, Буконьском и Атбасарском станах Киргизской миссии Омской епархии миссионерские школы содержались на средства миссии, поступаемые из Синода, а остальные – на средства Сибирского казачьего войска. В Оренбургской епархии миссионерские школы содержались за счет епархиального комитета Православного миссионерского общества. Например, в 1893 г. он на свои средства содержал четыре миссионерские школы: в деревне Кривле-Илюшинской и Ново-Алексеевской Оренбургского уезда, в п. Бердяш Орского уезда и в п. Требиатском Верхнеуральского уезда. В этом же году комитет оплачивал обучение четверем выпускникам миссионерских школ: один из стипендиатов обучался в Симбирской чувашской учительской школе, двое других на миссионерских курсах при Казанской духовной академии и один в Оренбургской духовной семинарии.

мобильностью населения степи, возникла идея организации интернатов при миссионерских школах Киргизских миссий. Обучающиеся в них дети казахов поступали на полное государственное обеспечение и проживали здесь в течение всего учебного года.

В-третьих, в условиях полиэтничности населения Казахстана, сформировавшейся в результате миграционного движения в регион русских крестьян из центральных губерний империи, ставка была сделана на совместное обучение представителей русского и казахского этносов, населяющих регион. Данное обстоятельство должно было во многом облегчить задачу аккультурации казахского населения и освоения им русского языка и культуры.

Несмотря на наличие общих основополагающих принципов организации миссионерских школ, конкретная практика Киргизских миссий Степного края в этом направлении характеризовалась некоторыми особенностями. В частности, основным содержанием деятельности служащих Киргизской миссии Омской епархии провозглашалось проведение религиозной пропаганды исключительно среди казахского населения с целью ограничения влияния и распространения ислама на его духовно-нравственную жизнь. К примеру, в миссионерские школы принимались дети крещеных казахов, а для подготовки кадров миссии и приобщения к миссионерскому делу местное православное население в школах получили возможность обучаться дети русских крестьян-переселенцев, казаков Сибирского казачьего войска.

Анализ отчетов о деятельности служащих Киргизской миссии показывает, что миссионерские школы были открыты во всех десяти миссионерских станах. С 1907 г., в период кризиса, связанного с событиями Первой русской революции в России и сокращением количества станов миссии, продолжался рост числа миссионерских школ в пределах данной епархии: к 1913 г. на средства миссии содержалось 18 школ. Так, по данным отчетов о деятельности Киргизской миссии Омской епархии за 1897–1913 гг., неизменно происходил рост контингента учащихся миссионерских школ: к 1913 г. в них обучалось 675 чел., в этническом плане преобладали русские – 612, 63 учащихся казахов.

Школьное строительство Киргизской миссии Оренбургской епархии отличалось тенденциями иного плана. Они определялись своеобразием этноконфессиональной ситуации в Западном Казахстане, характеризующейся проживанием в регионе не только русского и казахского этносов, но и многочисленных народов Поволжья и Южного Зауралья – чувашей, мордвы, башкир, калмыков, татар. В результате пропагандистская деятельность православной миссии распространялась на все население региона, прием для обучения в миссионерские школы, созданные в казахской степи, не предполагал исключений по этноконфессиональному признаку. Показателен в этом

плане состав учащихся Актюбинской миссионерской школы Оренбургской епархии в 1911 г. Из 71 ученика 54 являлись православными, один принадлежал к молоканской секте, 16 были мусульманами. В Чиликтинской школе-интернате, располагавшейся в Уральской области, в 1901 г. воспитывалось 26 русских мальчиков, 2 – из мордвы, 2 – чувашей и 12 казахов [1, л. 15об.].

Второй немаловажной особенностью миссионерского школьного строительства на территории Уральской и Тургайской областей стала организация работы не только миссионерских школ в станах Киргизской миссии, но и школ грамоты в отдаленных хуторах и аулах со смешанным русско-казахским населением. Причиной явились многочисленные случаи религиозной и культурной ассимиляции русских крестьян-переселенцев казахами, фиксировавшиеся как светскими, так и духовными властями региона. Вследствие этого Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, курировавший миссионерскую деятельность епархии, считал необходимым проведение религиозно-пропагандистской работы среди русского населения края. В итоге по инициативе епархиального комитета и на его средства, например, в 1898 г. содержалось три миссионерские школы в станах Киргизской миссии и 16 школ для русских поселенцев, 13 из которых находились в Кустанайском уезде и 3 – в Актюбинском. В них обучалось около 400 учеников: 22 казахских мальчика, 30 – из мордвы, остальные – русские дети. В начале XX в. комитет организовал работу еще трех аульных школ грамоты: Убаганской, Жанкомышской, Кушербаевской, в которых обучалось 24 мальчика-казаха и 12 девочек-казашек [2, л. 3об.–4].

Стремление оренбургских епархиальных властей охватить церковным школьным обучением как можно больший процент детей русских крестьян-переселенцев, проживающих в отдаленных от сел хуторах или заимках, привело к тому, что они стали приниматься на воспитание в интернаты, создаваемые при миссионерских школах для казахских детей. Такая ситуация имела место в интернатах миссионерских школ Александровского, Макарьевского, Актюбинского станов Тургайской области, в которых проживало 30 детей «русских поселенцев области, живущих в аулах» (цит. по: [2, л. 4]).

Программа обучения в миссионерских школах Киргизских миссий Степного края выстраивалась в соответствии с программами одно-, двух- или трехклассных церковно-приходских школ, разработанными профессором Казанской духовной академии И.Н. Ильминским. В рамках задач русификации многочисленных народов Азиатской России центральное место в новой образовательной модели отводилось распространению христианства на родном языке «инородцев», в том числе через систему миссионер-

ских школ. Совместное обучение «инородцев» с русскими должно было способствовать межкультурной коммуникации и распространению русского языка и культуры.

Наиболее последовательно и успешно эту задачу реализовывала Киргизская миссия Омской епархии. Целью преподавания в ее школах становилось закрепление в православной вере учащихся-казахов и формирование кадров миссии из местной этнической среды. Например, выпускники миссионерской школы Центрального стана новокрещенные казахи Владимир Петров и Василий Сергеев были направлены для продолжения образования в Казанскую инородческую семинарию. Функции переводчика при Центральном стане миссии исполнял выпускник миссионерской школы новокрещенный казах Петр Никандрович Отчагаров, закончивший Бийское катехизаторское училище****. Обязанности переводчика и диакона Шульбинского стана на рубеже XIX–XX вв. выполнял новокрещенный казах Василий Багайнаков. В шести из девяти станов Киргизской миссии в 1900 г. переводчиками работали новокрещенные казахи.

В начале XX в. возникла идея создания в одном из административных центров Киргизской миссии Омской епархии миссионерского училища, в котором бы осуществлялась подготовка профессиональных кадров для работы среди казахского этноса. Находящееся в подчинении Алтайской духовной миссии Бийское катехизаторское училище, по мнению сотрудников Омской епархии, «...не может вполне быть пригодным», так как «...в нем не изучается киргизского языка, не дается сведений о мусульманстве, не преподается и полемика против него». Однако, как свидетельствуют архивные данные, эта идея так и не была реализована [3, с. 21–22].

Посетивший миссионерскую школу п. Преображенского Киргизской миссии Омской епархии в 1897 г. семипалатинский краевед Н.Я. Коншин так описывал процесс обучения: «Мальчики и девочки обучаются в устроенной в поселке трехклассной школе. Преподают Закон Божий, арифметика, русский и киргизский языки, причем в первом, и отчасти, во втором классе преподавание происходит на киргизском языке, в 3-м – на русском. Киргизские книги употребляются исключительно с русским алфавитом и без всякой, по возможности, примеси татарских и арабских слов. Учитель в школе – крещеный татарин, окончивший курс в Казанской миссионерской школе Братства святого Гурия. Из школьников составлен хор, который в церковные праздники поет на русском и киргизском языках» (цит. по: [4, с. 12–13; 5, с. 5–7]).

В миссионерских школах Оренбургской епархии, напротив, не ставилось конкретной задачи обращения

**** Бийское катехизаторское училище располагалось в Бийске Алтайского горного округа и подчинялось Алтайского духовной миссии Томской епархии.

учащихся в православие и подготовки из них кадров миссии. Миссионеры считали, что «душевный и духовный перелом происходит в человеке не сразу <...> нельзя ожидать результатов своих трудов в самом непосредственном, непродолжительном времени. <...> Когда в степных школах будет воспитано целое поколение, тогда Миссия сразу пожмет обильную жатву» (цит. по: [6, л. 270об.–271об.]).

Показателен в этой связи следующий факт: с 1906 г. обязанности помощника учителя в интернате Макарьевского стана исполнял Таймухаммед Шельдыбаев, окончивший Александровскую миссионерскую школу, но продолжающий оставаться мусульманином. Кроме того, на уроках Закона Божия присутствие казахских детей было необязательным, в некоторых из интернатов для учащихся-мусульман как альтернатива преподавались основы ислама.

Учительский состав обеих миссий стремился разнообразить процесс обучения в миссионерских школах. Постоянно расширялась школьная программа, наряду с церковными предметами в некоторых из миссионерских школ преподавались «элементарные сведения по русской истории, географии, естествознанию» [1, л. 14]. Огромное внимание сотрудниками миссионерских школ уделялось созданию библиотечных фондов, в которых числилась литература для внеклассного чтения религиозного и светского содержания, а также произведения русских писателей, учебно-методические пособия для учителей и т.д.

Важной воспитательной задачей миссионерского образования в Степном крае являлась подготовка учащихся «к взрослой жизни». Так, в 1901 г. в школе Центрального стана Киргизской миссии Омской епархии – Заречной слободе в порядке эксперимента была открыта столярная мастерская, в которой воспитанники приюта учились столярному мастерству, чтобы, окончив школы, они имели «...в запасе полезные познания, хоть в каких-либо ремеслах». На этих занятиях учащиеся изготавливали «табуреты для своей комнаты, рамки для картин <...> для этого назначено определенное время, установлены очереди, чтобы мастеру было легче следить и делать указания» (цит. по: [7, с. 10]).

Многие из миссионерских школ Степного края наряду с образовательными и воспитательными выполняли просветительские функции. В октябре 1902 г. в Макарьевской миссионерской школе Оренбургской епархии были открыты вечерние классы для взрослых, на которые приглашались в первую очередь новокрещенные казахи. Предметным содержанием ежедневных занятий, длившихся в среднем 1,5–2 часа, были молитвы, церковное песнопение, более того, слушатели занимались чтением «...доступных для понимания статей религиозного и нравственного содержания, чтением статей полемического характера из миссионерских противомусульманских сборников»

(цит. по: [8, л. 6]). На занятиях преподавались также начальные основы медицинских знаний, проводились беседы о профилактике различных инфекционных заболеваний. Учителя курсов старались по возможности разнообразить занятия и привлекали «современные технологии». Так, ими в 1911 г. был приобретен «волшебный фонарь и недорогой граммофон с пьесами» для популяризации занятий [1, л. 12об.].

Учителя миссионерских школ и епархиальные духовные власти отмечали в целом лояльное отношение местного казахского населения к фактам открытия и функционирования миссионерских школ. В Александровском стане Тургайской области Оренбургской епархии, по мнению миссионера Ф. Альментьева, «киргизы в значительном количестве, хотя и не принимают христианства, зато в большинстве хорошо сознают пользу обучения русской грамоте...» (цит. по: [9, с. 304]). В районе Макарьевского стана население близлежащих аулов относилось к миссионерской школе «...сочувственно, и некрещеные киргизы начинают проявлять интерес к святой истории на киргизском языке». Как отмечал председатель Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества епископ Оренбургский в начале XX в., «дети инородцев посылаются родителями в эти школы весьма охотно» (цит. по: [10, л. 173]).

Таким образом, миссионерское школьное строительство являлось одним из важнейших направлений деятельности Киргизских миссий Степного края. Оно было призвано сыграть позитивную роль в пропаганде русского языка, культуры и православия среди казахского населения региона. Несмотря на некоторые различия в методике обучения и принципах организации деятельности миссионерских школ Омской и Оренбургской епархий, в целом они смогли привлечь в миссионерско-школьную образовательную систему определенное количество как православных жителей региона, так и казахское население.

В то же время, по мнению местных епархиальных властей, процесс миссионерского школьного строительства в Степном крае осуществлялся крайне медленными темпами. Данная ситуация, на наш взгляд, объяснялась рядом обстоятельств.

Во-первых, следует иметь в виду, что организация Русской православной церковью миссионерской деятельности и школьного строительства в казахской степи явилась следствием завершения присоединения Казахстана к Российской империи во второй половине XIX в. В результате последовавшей политико-правовой и социально-экономической модернизации в казахском обществе обозначились процессы трансформации традиционных потестарно-родственных и формирования новых социальных отношений, сопровождающиеся консолидацией казахского этноса.

Как известно, в ходе этнических консолидаций активно формируется этническое самосознание

и представление о собственной монолитности и обособленности, что способствует четкому противопоставлению «себя» соседним, подчас родственным этносам. Огромную роль в рамках этих тенденций играет религиозная составляющая. В некоторых районах, например, юга Западной Сибири, процесс распространения православия сыграл положительную роль и выступал дополнительным фактором этнической консолидации некоторых групп населения [11, с. 89–104]. В Казахстане имели место обратные процессы – конфессиональный фактор воплощал этноразделительную функцию и укреплял собственную этничность казахского народа. Ислам осознавался казахским населением как этнический компонент, признак, отличающий его от русских крестьян-переселенцев, что значительно препятствовало процессу аккультурации и ассимиляции.

Во-вторых, деятельность Киргизских миссий в Степном крае разворачивалась также на общем фоне консолидации мусульман Российской империи, что выразилось в реформировании и модернизации системы образования и жизни мусульманского общества, создании массовых религиозных организаций, проведении общероссийских съездов мусульман и т.д. Казахское общество, относящее себя к исламскому миру, не могло оставаться в стороне от этих процессов, связывало свое будущее с этим миром, активно выступая против наступления империи на духовную сферу жизнедеятельности тюркско-мусульманского сообщества, политики «русификации» [12, с. 63–78]. Поэтому общей тенденцией среди казахов было желание не отдавать детей в миссионерские школы из-за опасения, «что там непременно будут склонять их в православие» (цит. по: [13, с. 40]).

Созданная в Степном крае к середине XIX в. исламская образовательная система имела специфические особенности. В условиях кочевого образа жизни казахского населения широкое распространение здесь получили лишь начальные школы – мектебы. При этом стационарными они были в городах или крупных населенных пунктах, в аулах, как правило, работали передвижные школы, располагавшиеся в юртах [14, с. 114–119]. Например, в 1886 г. в Семиреченской области Степного края среди оседлого мусульманского населения функционировало 144 мектеба с общим количеством учащихся 4552. В Верном и Копале насчитывалось пять таких школ. У казахов-кочевников области под руководством переходящих из волости в волость мулл, преимущественно из татар, обучалось 4670 чел. В Семипалатинской области в 1886 г. при мечетях функционировало 15 мектебов: 13 – в городах области и 2 – в татарских деревнях, с общим количеством учащихся 798 чел. [15, л. 142]. По сведениям Б.М. Расулова, в 1908 г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства было 268 медресе, из них 44 – в Сырдарьинской, 10 – Семиреченской области, на-

селенных преимущественно казахским кочевым населением [16, с. 15].

В-третьих, в условиях реализации интеграционных устремлений имперской власти мусульманское образование в Степном крае могло выступить дестабилизирующим фактором. Поэтому с середины XIX в. в регионе началось создание светской образовательной модели. С одной стороны, она мыслилась как альтернатива исламской: именно поэтому чиновники местных администраций оценивали ее крайне отрицательно, подчеркивая антигуманный характер. Например, военный губернатор Семипалатинской области указывал на отсутствие в ней четкой программы, «устава», «определенных источников дохода и годового бюджета», а также низкий уровень подготовки учителей – мулл и крайне ограниченный характер образовательной и развивающей частей. «Об умственном развитии ребенка и снабжении его первыми элементарными сведениями, – писал военный губернатор, – магометанская школа не имеет понятия. Поэтому человек, даже долго посещавший ее, в сущности, столь же невежествен, как и неграмотный. Ввиду неразрывной связи народного образования с мусульманской религией, науки ограничены одним схоластическим отделом, и эта узкая односторонность не способна дать народу ни одного образованного человека, – никого, кроме религиозных казуистов» [15, л. 136].

Кроме того, светская образовательная система в условиях ускорения социально-экономического развития Степного края на рубеже XIX–XX вв. была призвана интегрировать население региона, обеспечить потребность в образованных и профессиональных, в том числе управленческих кадрах региона из местной этнической среды.

В итоге, при создании системы светского школьного образования в Степном крае главная ставка была сделана на сочетание элементов российской начальной и туземной школ и создание нового типа инородческой школы, в которой «не были бы игнорированы установившиеся взгляды местного мусульманского населения на задачи образования, и ввести в ней в курс обучения родную грамоту в той транскрипции, какая

издавна была принята здесь, и основы мусульманского вероучения. Необходимо было создать такую школу, в которой дети инородцев научались бы русскому государственному языку и при посредстве его получали бы начала общекультурного образования, в то же время изучали бы родную грамоту и основы мусульманского вероучения в том виде, в каком ведется преподавание этих предметов в местных мусульманских школах» (цит. по: [17, с. 95]).

По мнению правительственных кругов, для открытия русско-туземных школ в Степном крае имелись благоприятные условия: обеспеченность педагогическими кадрами, чиновниками для инспекций, материальная база. К субъективным причинам необходимости открытия таких школ чиновники относили «иноплеменность большинства населения Степных областей», вследствие чего, «хотя сравнительно нечасто, киргизы отдают своих детей в русские школы, но с передачей таковых в ведение духовенства можно с уверенностью предсказать, что подобное весьма желательное совместное обучение может совсем прекратиться» (цит. по: [18, с. 257]).

В этой связи церковно-приходское и, в том числе, миссионерское школьное образование оказывалось вне того формата, который был определяющим в стратегии развития системы школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. Такой тип школ предлагалось создавать исключительно для православного населения края – казачества и крестьян-переселенцев.

Таким образом, рост влияния ислама среди казахского населения, процессы его этнической консолидации, сопровождавшиеся формированием негативного восприятия тенденций в сфере национальной политики России, государственная политика в области образования, направленная на создание системы светского образования, объективно препятствовали развертыванию миссионерского школьного строительства в Казахстане. Потенциал таких школ в целях распространения русского языка и православных идей среди казахского населения региона, возможности их социокультурных интеграционных процессов не были использованы в полном объеме.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 153а.
2. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 11а.
3. Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1903. – №10. – 15 мая.
4. Яковлев Н. (Н.Я. Коншин). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. – 1898. – №45–46.
5. Яковлев Н. (Н.Я. Коншин). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. – 1899. – №4.
6. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 183а.
7. Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // ОЕВ. – 1902. – №11–12. – 1–15 июня.
8. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 26а.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1907. – № 44. – 1 ноября.

10. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 5.
11. Шерстова Л.И. Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX вв.) // Исторические и философские исследования в Сибири : труды научной конференции, посвященной 50-летию кафедр истории и регионоведения и философии Томского политехнического университета (28 сентября 2007 г.). – Томск, 2007.
12. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – 2003. – №5.
13. Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. – 1910. – № 9. – 1 мая.
14. Буктугутова Р.С. О развитии просвещения в Степном крае в начале XX в. (некоторые аспекты) // Отан тарихы. – 2007. – №1.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 290.
16. Расулов Б.М. Из истории мусульманских мектебов и медресе в Узбекистане (конец XIX – 20-е гг. XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Андижан, 1996.
17. Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отан тарихы. – 2008. – №1.
18. Перминов А.В. Организация обучения казахов на родном языке в XIX – начале XX веков: исторический опыт // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая : материалы междунар. науч. конф. (23–24 ноября 2006 г.). – Горно-Алтайск, 2006.